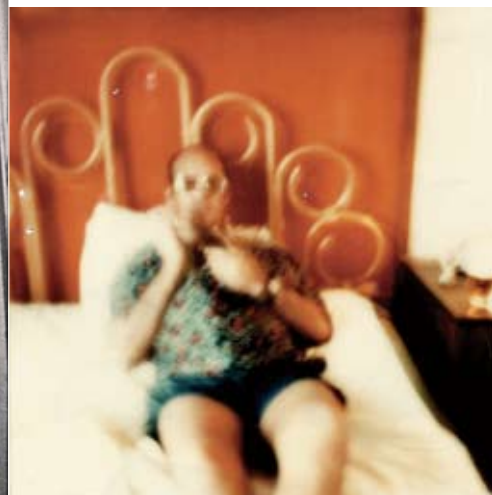
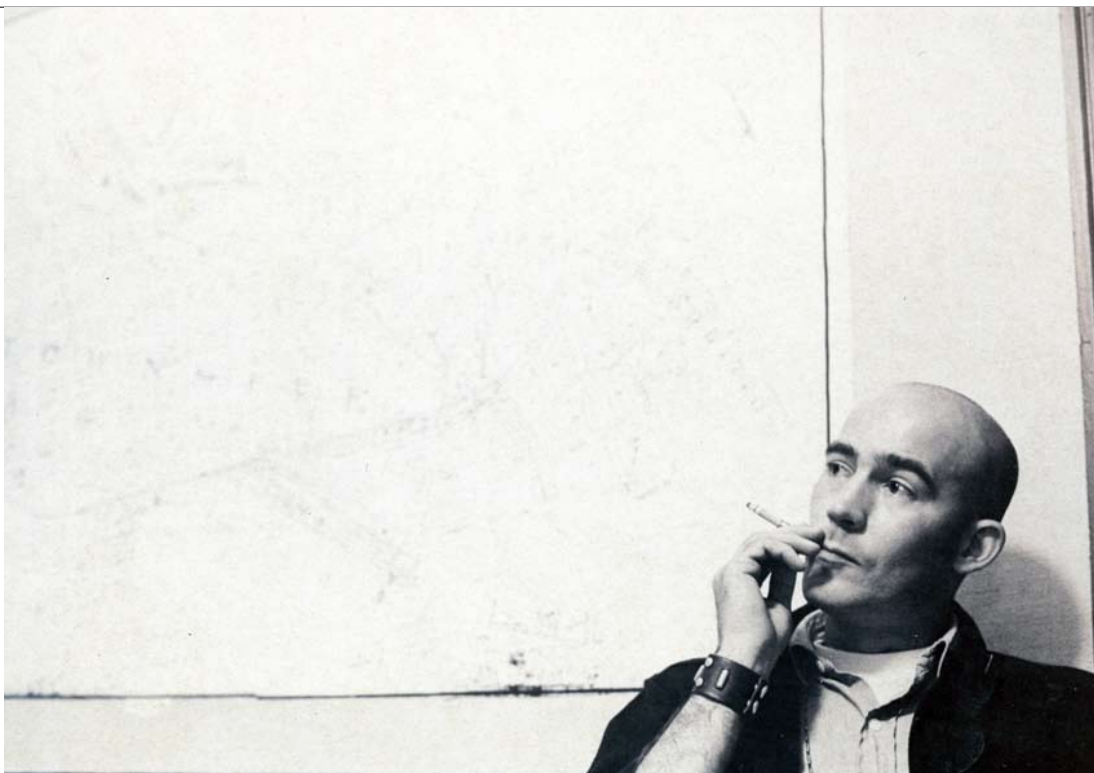

Джонни Депп, Хантер С. Томпсон
и Мэтт Диллон, 1996

торые он обожал так же, как самодельные бомбы, футбол, наркотики, виски «Дикая индейка» и павлинов.

Нельзя сказать, что Гибни закрепляет за Томпсоном статус классика. Классическое измерение его текстов безусловно. Не зря он в юности перепечатывал на машинке романы Скотта Фицджеральда и Эрнеста Хемингуэя, пальцами ощупывая архитектуру текстов. «Ангелов ада» (1966), репортаж о странствиях писателя с мотобандами, признали одной из лучших книг 1960-х. Только писатель высшей пробы мог первыми словами романа взять читателя за горло так, как берет начало «Страха». «Мы были где-то на краю пустыни, неподалеку от Барстоу, когда нас стало накрывать. Помню, промямлил что-то типа: „Чувствую, меня немного колбасит; может, ты поведешь?..“ И неожиданно со всех сторон раздалась жуткие вопли, и небо заполонили какие-то хрюки, похожие на огромных летучих мышей». Таких зачинов в истории мало. Почему-то вспоминается «Божественная комедия»: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Томпсон, как и Данте, бродил по всем кругам ада и рая.

Он был из числа писателей, создающих свое столь убедительное альтер эго, что зазор между автором и героем исчезает совсем. В его случае эта нерасчлененность жизни и текста парадоксальна, потому что он был по преимуществу журналистом. Но придумал собственный жанр, ко-

торый обалдевший от его статьи о дерби, где, собственно говоря, о спорте не было ни слова, журналист Билл Кардозо назвал в 1970 году «гонзо-журналистикой».

«Гонзо» выводит за скобки такое обязательное качество журналистики, как объективность. Гонзо-журналист пишет о своих ощущениях от события, а не о событии. Сознание Томпсона жило собственной жизнью под воздействием адских доз алкоголя и наркотиков. Но именно он оставил самые яркие образы событий, свидетелем которых был, включая эпохальное падение Сайгона (1975). Многие считают его тексты бредом. Но только не редакторы Rolling Stone, для которых Томпсон писал. Не сенаторы Джордж Макговерн и Джон Кэрри, почтившие своим присутствием его экстравагантные похороны. И не 44% жителей патриархального графства Аспен, в 1970 году проголосовавших за то, чтобы шерифом стал кандидат от партии «Власть уродам», обещавший легализовать наркотики.

Фильм Гибни объясняет, почему к этому «подонку» прислушивались столь разумные и воспитанные люди. Казалось бы, человек, называвший Джорджа Бушамладшего «шлюхой в обличье зверя», обещавший «мочиться в глотку» «полоумным говнюкам, обожающим чуть что целовать флаг», должен быть непрестанно орущим чудищем. Ну да, снюхав десятисантиметровую дорожку кокаина, выложенного узорами на столе, Томпсон рычал и вер-

ещал, и расстреливал на заднем дворе фотографии ненавистных ему политиков. Но на экране мы видим очень красиво, элегантно экстравагантного, высококого человека, который очень негромким и спокойным голосом говорил очень разумные парадоксальные вещи. Делал отличные фотографии, но не претендовал на то, чтобы считаться фотографом. Обладал отменным чувством юмора. Так, на выборах 1970 года он побрился наголо, чтобы иметь право называть своего стриженного ежиком ультраправого конкурента «своим длинноволосым оппонентом».

Такой же шуткой кажется его докторская степень: чтобы иметь право именовать себя «доктором Томпсоном», он закончил какие-то «левые» курсы богословия по переписке. Но он, ведя совершенно аморальный с общепринятой точки зрения образ жизни, был самым что ни на есть настоящим моралистом. «Мой интерес — предотвращать зло» — повторял он слова Роберта Кеннеди. Его тексты — проповеди пуританина, сулящего грешникам геенну огненную. А смертными грехами он считал не то, что люди делают со своим телом и сознанием, а ложь и насилие, прежде всего, войны, которые вели США: от Хиросимы до Багдада. Он считал личным врагом президента Никсона и имел основания полагать, что внес свою лепту в его низвержение: Никсон был для него Лжецом с большой буквы. Один из его друзей на вопрос, куда угодил Томпсон, в ад

или в рай, ответил: «Он наверняка спросил, где Никсон, и отправился туда. Он никогда не терпел скуки. Но там должен быть и футбол тоже — и павлины».

Из ненависти ко лжи он не скрывал, что любит наркотики, оговариваясь: «Я, вообще, не рекомендую ничего из того, что делаю сам». Он не только сам регулярно попадал под следствие, как в 1990 году, когда его дом обыскивали 11 часов: порноактриса обвинила его в домогательствах и употреблении наркотиков. Он еще и вытаскивал людей из тюрьмы, как вытаскил девчонку, облыжно приговоренную к пожизненному заключению за убийство копа. Был, извините за выражение, правозащитником.

Враг всех президентов, при которых жил, общественных институтов и конформизма, он, как это ни парадоксально, был, как и Мартин Лютер Кинг, пророком американской мечты, преданной и украденной. Он раскатывал по пустыне с другом-адвокатом Оскаром Зета Аксотой, выведенным в «Страхе» под именем доктора Гонзо и вскоре пропавшим без вести, и спрашивал в придорожных забегаловках, где тут американская мечта. Официантки советовались с поварами и отвечали, что, кажется, знают такой бар. Скажите на милость, как было Томпсону не испытать описанное в «Страхе» чувство: «Я почувствовал, что пора кого-нибудь убить». Но в результате, как благородный человек, убил он себя самого.